

Enid Blyton[®]

Привидения
В ШКОЛЕ СЕНТ-КЛЭР

Энид Блайтон

Энид Блайтон
Привидения в
школе Сент-Клэр
Серия «Школа в Сент-Клэр», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65340687

*Привидения в школе Сент-Клэр: Махаон, Азбука-Аттикус; Москва;
2021*

ISBN 978-5-389-19723-7

Аннотация

Сёстры-близняшки Патриция и Изабель О'Салливан продолжают учиться в школе Сент-Клэр, успешно переходя из класса в класс. Они усердно занимаются на уроках и не менее усердно выполняют домашние задания. Но не только учёбой ограничивается их школьная жизнь. Конечно же Изабель и Пат с подружками развлекаются и веселятся, участвуют в спортивных соревнованиях, знакомятся с новенькими, ссорятся и мирятся, да много всего интересного происходит в Сент-Клэре. Чего только стоят таинственные ночные происшествия...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	53
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Enid Blyton®

**Энид Блайтон
Привидения в
школе Сент-Клэр**

В СЕРИИ ВЫХОДЯТ:

Близнецы в школе Сент-Клэр
Новые проделки близнецов в школе Сент-Клэр
Летние приключения близнецов в школе Сент-Клэр
Новые друзья близнецов в школе Сент-Клэр
Новенькая в школе Сент-Клэр
Привидения в школе Сент-Клэр

* * *

Enid Blyton
FIFTH FORMERS OF ST CLARE'S

Enid Blyton[®] and Enid Blyton's signature are registered trade marks of Hodder & Stoughton Limited

Text © Hodder & Stoughton Limited

Cover illustrations © 2005 David Roberts

All rights reserved.

The moral rights of the author has been asserted.

First published in Great Britain in 1945 by Methuen & Co.
Ltd

© Торчинская М.О., перевод на русский язык, 2021

© Тараник С. В., иллюстрации, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа

«Азбука-Аттикус», 2021 Machaon®

Глава 1

С началом учебного года!

Целых восемь недель, пока длились летние каникулы, школа Сент-Клэр стояла тихая и пустая. Только и было слышно, как шлёпают швабры, ширкают щётки да звонят время от времени со стороны задней двери торговцы. Школьный кот скучал без весёлой толпы девчонок и первые две недели бродил по безлюдным коридорам как потерянный.

Но наконец всё изменилось. Вверх по холму поползли автобусы, полные смеющихся, болтающих детей, – в Сент-Клэре начиналась новая учебная четверть!

– И это называется осень, – сказала Пат О’Салливан своей сестре-близняшке Изабель. – Солнце жарит, как летом. Наверняка ещё успеем поиграть в теннис.

– А я обязательно искупаюсь в бассейне, – вставила Бобби Эллис, которая за лето ещё сильнее покрылась веснушками. – Надеюсь, его уже наполнили чистой водой. После чая можно будет поплавать.

– Ох уж эта Бобби! Ей обязательно нужно играть в теннис, или плавать, или бегать, или прыгать, – с лёгким акцентом проговорила француженка Клодин. – А веснушек-то! В жизни не видела, чтобы на лице было столько веснушек. А я вот пряталась от солнца все каникулы. Ни одной веснушки не вылезло!

Девочки рассмеялись. Клодин до смерти боялась веснушек, её бледное личико и белые руки всегда оставались совершенно чистыми.

Подруги, перекрикиваясь, ввалились в здание школы, взлетели по знакомым ступеням. Ключки от лакросса швыряли куда попало.

– Привет, Дженет! Хилари, привет! Ой, а вон Карлотта, стала совсем как цыганочка! Карлотта, ты где отдыхала на каникулах? Такая загорелая!

– Я была в Испании, – ответила Карлотта. – Вы же знаете, у меня там родственники. Было так здорово!

– И Мирабел здесь... Ух ты, как выросла! – воскликнула Изабель. – Глэдис рядом с ней кажется совсем крошечной

мышкой.

– Привет! – крикнула, подходя, крепкая, высоченная Ми-
рабел. – Как вы?

– Привет, Мирабел! Привет, Глэдис! – наперебой здоро-
вались девочки. – Вы ведь проводили каникулы вместе? На-
верняка всё время играли в теннис и плавали?

Обе подруги очень любили спортивные игры, и Мирабел
мечтала в этой четверти стать капитаном школы Сент-Клэр.
Она уже отучилась две четверти в пятом классе и всё это
время была помощницей капитана Энни Томас. Но теперь,
когда Энни покинула школу, у Мирабел появилась надежда
заменить её, поскольку в шестом классе не было никого, кто
мог бы претендовать на это место.

– Пойдёмте в класс, – предложила Бобби Эллис. – Я знаю, что его должны были оформить заново во время каникул. Посмотрим, каким он стал.

Подружки поднялись ещё на один этаж и вошли в свой класс. Он стал чудо как хорош с тех пор, как они видели его в последний раз: стены покрасили в нежно-банановый цвет, в чисто вымытые окна щедро лился солнечный свет, и вид на улицу открывался просто чудесный.

– Нам осталось проучиться в этом классе всего одну чет-

верть, а потом – в шестой!¹ – сказала Хилари. – Так странно: мы станем самыми старшими в школе. Когда я только поступила в Сент-Клэр, пяти- и шестиклассницы казались мне совсем взрослыми, я даже заговорить с ними не смела.

– А мелюзга теперь точно так же смотрит на нас, – улыбнулась Дженет. – Когда я иду по коридору, они разбегаются из-под ног, как испуганные кролики.

– А у меня младшая сестрёнка пойдёт здесь во второй класс, – сообщила француженка Клодин. – Она приехала из Франции вместе со мной. Вон она, Антуанетта.

Выглянув в окно, подруги увидели девочку лет четырнадцати, которая была очень похожа на белокожую, темноволосую Клодин. Она застенчиво стояла в стороне, не решаясь подойти к остальным.

– Ты не хочешь спуститься и показать Антуанетте школу? – спросила Пат. – Мне кажется, ей очень одиноко и неуютно.

– Да нет, ей никогда не бывает неуютно, – отмахнулась Клодин. – Она умеет постоять для себя, как и я.

– Ты хотела сказать «за себя», – засмеялась Бобби. – Эти английские обороты всё никак не уложатся у тебя в голове, Клодин. Ой, а вот и Мамзель!

¹ Английские школы разделяются по возрасту на учебные заведения полного цикла (3–18 лет), дошкольного образования (2–7 лет), младшие (7–13 лет), средние (13–16 лет), старшие школы (16–18 лет) и учреждения совмещённого цикла (13 (иногда 14) – 18 лет). Вероятнее всего, школа Сент-Клэр относится к последнему типу.

В окно было видно, как встревоженная мадемуазель мечется по саду.

– Ищет Антуанетту, – прокомментировала Клодин. – Тётя не видела её два года. Она утопит Антуанетту в любви и заботе! Думает, что моя сестрица такая же милая и чудесная, как я.

Мадемуазель доводилась Клодин родной тётей – иногда это было очень выгодно юным племянницам, а иногда – чрезвычайно неудобно. В данный конкретный момент это вызвало у Антуанетты только чувство неловкости.

Юная француженка с удовольствием наблюдала за тем, как английские девочки носятся по двору, играют в догонялки, кружатся, взявшись за руки. Одним словом, они вели себя как обычные школьницы, но для сдержанной Антуанетты всё это выглядело очень непривычно и забавно. И вдруг на неё словно ураган налетел. Две пухлые руки стиснули её в объятиях. Громко, взволнованно полились ласковые французские слова. Зазвенели звонкие поцелуи. И снова объятия, от которых Антуанетта чуть не задохнулась.

– Ах, *la petite Antoinette, mon petit chou!*² – воскликнула мадемуазель во весь голос.

Все девочки разом перестали играть и бегать и оглянулись на мадемуазель с Антуанеттой, а потом захихикали. Понятно, что Антуанетта была не в восторге от такого приветствия и принялась поспешно освобождаться из тётушкиных объ-

² Малышка Антуанетта, ты моя сладенькая! (*фр.*)

тий. Случайно вскинув глаза, она вдруг заметила свою старшую сестрицу Клодин, которая, высунувшись из окна, с наслаждением наблюдала за происходящим.

– Тётя Матильда, дорогая, – сказала она не моргнув глазом, – смотрите, вас ищет Клодин. Вон она! – Девочка указала на окно. – Она видела, как вы меня обнимаете, и хочет, чтобы вы и её обняли тоже!

Мадемуазель оглянулась и, продолжая одной рукой прижимать к себе Антуанетту, другой рукой бешено замахала Клодин, посылая ей воздушные поцелуи:

– Малышка Клодин! Я сейчас! Сейчас я тебя расцелую!

Пользуясь случаем, Антуанетта незаметно выскользнула из-под тёткиной руки и скрылась в толпе девчонок, а мадемуазель поспешила в школу.

– Иду, уже иду! – кричала она.

– Пожалуй, я тоже пойду, – пробормотала Клодин, распахивая хохочущих подруг. – Ох, намучается мадемуазель в этой четверти сразу с двумя племянницами.

Так что, когда запыхавшаяся тётушка ворвалась в пятый класс, чтобы обнять вторую племянницу, Клодин там уже не было.

– Ах, мы разошлись, ну ничего, я её найду! – сказала мадемуазель и, сияя улыбкой, обвела взглядом пятиклассниц. – Бобби вернулась! Энджела, и ты здесь, и Элисон – все вы, мои дорогие! Ну я вас заставлю работать как следует. Ведь в следующей четверти вы уже перейдёте в самый старший

класс – в шестой! Есть о чём задуматься!

И мадемуазель отправилась дальше на поиски Клодин. Девочки рассмеялись.

– Никогда не забуду нашу старушку Мамзель, – сказала Хилари, – даже когда мне будет сто лет. Как мы только над ней не шутили! Помните отвратительные шарики-вонючки, которые привезла Дженет в четвёртом классе? Я хохотала до слёз, когда увидела лицо Мамзели после того, как она почувствовала запах!

– В этой четверти у нас всего одна новенькая, – сообщила Дженет, – ну то есть в нашем классе. Я увидела её имя в списке, который вывесили на первом этаже. Её зовут Энн-Мэри Лонгден. Ещё к нам перешла из четвёртого класса Фелисити Рей.

– Давно пора, – заметила Мирабел. – Она старше всех пятиклассниц. По-моему, она немного того.

– Ничего подобного, – тут же возразила Глэдис. – Просто она самый настоящий музыкальный гений. Ты сама тысячу раз это говорила. Её не интересует ничего, кроме музыки. Все остальные предметы скатываются с неё как с гуся вода. Она по всем предметам самая отстающая, кроме музыки.

– Вряд ли мисс Корнуоллис сильно обрадуется, если Фелисити не будет обращать внимание ни на что, кроме музыки, – заметила Бобби, которая по собственному опыту знала, что их классная руководительница безжалостна, как надсмотрщик на галерах. – Спорим, что в этой четверти Фели-

сити узнает по географии, истории и математике столько всего, сколько не узнала за все годы обучения в школе!

– И что, из четвёртого больше никого не перевели? – спросила Мирабел.

– Странно как-то, – заметила Дженет. – В список пятиклассниц попала ещё Алма Пудден. Но она ведь шестиклассница, разве нет? То есть в прошлой четверти, когда она пришла в Сент-Клэр, её определили в шестой класс. А теперь перевели к нам. То есть почему-то отправили назад в пятый.

– И очень жаль, – вставила Бобби. – Не нравится она мне. Похожа чем-то на свою фамилию – такая же толстая, дряблая и скучная, как пудинг на сале.

– У неё отвратительный характер, – добавила Хилари. – И наверняка она не в восторге от того, что её сослали в пятый.

В этот момент в класс вошла экономка, за которой следовала высокая, стройная девочка, темноглазая и белокурая. На фоне светлых волос её глаза казались совсем чёрными.

– Привет, пятиклашки, – сверкнув улыбкой, проговорила экономка. – Все на месте? Вот и молодцы. Только попробуйте у меня подцепить где-нибудь корь, свинку или ветрянку! Знакомьтесь, я привела вам новенькую – Энн-Мэри Лонгден.

Энн-Мэри неуверенно улыбнулась. Её нельзя было назвать красавицей, но благодаря тёмным глазам и белокурым волосам она выглядела очень эффектно.

– Привет, – смущённо сказала она. – Вы все из пятого

класса? А как вас зовут?

Хилари как староста стала быстро называть имена.

– Это близняшки О’Салливан, Пат и Изабель. Через несколько четвертей ты научишься их различать. Это – Джениет, а это – Роберта, но все называют её просто Бобби, ты её по веснушкам всегда узнаешь. Берегись этой парочки, у них всегда в запасе куча всяких проделок и розыгрышей – больше, чем у всех остальных в школе, наверное.

Энн-Мэри вежливо улыбнулась. Хилари продолжала вытаскивать вперёд девчонок:

– Дорис. Способна изобразить кого угодно. Она и тебя скоро изобразит!

На лице Энн-Мэри не отразилось никакой радости по этому поводу. Дорис показалась ей тупой и неуклюжей, она не заметила ни умного взгляда, ни подвижного, улыбочивого рта прирождённой актрисы.

– А это Карлотта, ещё более загорелая, чем всегда, – продолжила Хилари.

Карлотта одарила новенькую своей фирменной дерзкой улыбкой.

– Говорю сразу, что я раньше работала наездницей в цирке шапито, – проговорила Карлотта. – Энджела всё равно разболтает раньше или позже, так что лучше я скажу это сама!

Златовласая Энджела вспыхнула от негодования. Красавица с презрением относилась к бывшей маленькой циркач-

ке, но ей казалось, что последние две четверти она очень ловко это скрывала. У Карлотты язычок был острый как бритва и легко мог поцарапать каждого, кого девчонка недолюбливала.

– Энджела, наша сказочная красавица, – заторопилась Хилари, беспокоясь, как бы бешеная Карлотта и обиженная Энджела не разругались в пух и прах.

– Ты забыла добавить «достопочтенная», – ехидно встала Карлотта. – Достопочтенная Энджела Фэйверли. Ей без ярлычка никак нельзя.

– Заткнись, Карлотта, – быстро сказала Хилари.

Энджела нахмурилась, и её прелестное лицо исказило пренеприятное выражение. Затем, гордо тряхнув головой, она вышла из комнаты. Энджела давно поняла, что даже самая красивая и богатая девочка в школе не победит в словесной перепалке с остроумной Карлоттой.

– Это Пэм, самая умная в нашем классе. – Хилари вытолкнула вперёд девочку заурядного вида, низкорослую, близорукую, в очках с толстыми стёклами. – Она всё учится, учится, и никто не может её остановить.

В этот момент дверь в класс чуточку приоткрылась, и в щёлку заглянула Клодин, чтобы узнать, там ли её тетушка.

– Всё в порядке, Мамзель ещё ищет тебя, но не здесь, – сказала Карлотта. – Энн-Мэри, это Клодин, Самая Плохая Девочка в классе. Она делает только то, что считает нужным, и всегда получает то, что хочет, и ей не важно, каким спо-

собом она это получает. Клодин учится у нас уже довольно давно. Всё это время она пытается понять, что же такое «английская честность», но пока даже смутно не догадывается, что это такое.

– Ах ты, вредина Карлотта, – добродушно ухмыльнулась Клодин. – Вечно подшучиваешь надо мной. Не такая уж я плохая, хотя, может, и не очень хорошая.

Наконец Хилари представила новенькой Мирабел и Глэдис, а также Полин – невзрачную, молчаливую девочку, которая когда-то была такой же хвастушкой, как Энджела, но, получив суровый урок, сильно изменилась к лучшему.

– Ну вот, наверное, мы все, – объявила Хилари. – Не считая Фелисити, нашего музыкального гения. Её перевели к нам из четвёртого класса, но она ещё не пришла. А, да, Алма Пудден придёт к нам из шестого класса – её я тоже пока не видела.

– У тебя ведь нет никаких особых талантов? – спросила Бобби у новенькой. – А то у нас в классе уже полно гениев: высший разум Пэм, прекрасная Энджела, необыкновенно музыкальная Фелисити. Надеюсь, хоть ты, Энн-Мэри, обычный, нормальный, хороший человек.

– Ну... не совсем, – сказала Энн-Мэри, густо покраснев. – Я... я – поэтесса.

Наступила тишина. Поэтесса?! Что Энн-Мэри имеет в виду?

– В каком смысле поэтесса? – осторожно поинтересова-

лась Бобби. – Ты что, стихи пишешь или что-то вроде того? Ой, спасите меня!

– Поэтами рождаются, – объяснила Энн-Мэри. – Уж если ты родился поэтом, ничего с этим не поделаешь. Мой дедушка был знаменитым поэтом, а моя двоюродная бабушка была великой писательницей. Это у нас семейное, вот и мне передалось. Я сочиняю стихи постоянно, но особенно много – поздно ночью.

– Ой, спасите меня! – повторила Бобби. – Чего только не бывает у нас в Сент-Клэре, но поэтесс я что-то не припомню. Хорошая парочка выйдет из вас с Фелисити! Она тоже любит по ночам музыку сочинять. Ну а ты будешь сочинять стихи. Ну что ж, вместе не соскучитесь.

Тут дверь в класс снова приоткрылась, и заглянула ещё одна девочка.

– Элисон! – хором закричали близняшки. – Ты где пропадала? Заходи скорее, знакомься с нашей поэтессой!

В класс с улыбкой впорхнула прехорошенькая девочка – двоюродная сестра близняшек.

– Это Элисон, – представила её Пат. – Наша глупышка. Думает только о причёске и цвете лица, о том, не блестит ли у неё нос...

Когда-то Элисон возмутилась бы или расплакалась в ответ на подобные подколы, но она давно научилась стойко переносить любые насмешки. Девочка шутливо-угрожающе шагнула в сторону Пат и дружески кивнула Энн-Мэри.

– Берегись, Клодин, – предупредила она, – твоя тётя идёт сюда.

– Ну всё, деваться некуда, – сказала Хилари. – Придётся перетерпеть. Ладно уж, порадуй старушку Мамзель. Она ведь так тебя любит, даже не знаю за что.

Мадемуазель влетела в класс и коршуном кинулась на племянницу.

– *Ma petite Claudine!*³ Как ты? Как поживают мамуля с папулей и вся ваша семья? Я уже виделась с крошкой Антуанеттой, она стояла такая одинокая, такая робкая, бедняжка! Я купила вам обеим пирожных и печенья, и вы обе сейчас придёте ко мне в комнату, и мы все вместе их попробуем!

И она уволокла Клодин из класса. Девочки рассмеялись.

– Так странно, что Клодин тоже пятиклассница! Может, хоть теперь, став старшей, она начнёт новую жизнь.

Но Клодин ни о чём таком и не помышляла. Она оставалась всё той же кошкой, которая гуляла сама по себе, говорила и делала что хотела и не собиралась меняться. Просто удивительно, за что только её все любили!

³ Моя малышка Клодин! (*фр.*)

Глава 2

Собственные гостиные

В Сент-Клэре было так принято, что девочки, отучившиеся две четверти в пятом классе, переходили из общей гостиной в небольшие комнатки на двоих. Новые хозяйки могли обставить свою комнатку как хотели, хотя, конечно, школа выделяла им стол, стулья, ковёр и книжные полки.

Обычно девочки вешали на стены одну-две картинки, привозили из дома вазы для цветов, скатерть или занавески, часы. Те, кому этого было недостаточно, могли привезти собственный ковёр или даже кресло.

Девочки сами выбирали, с кем будут делить комнату. Это

не представляло сложности, поскольку к пятому классу у всех уже были лучшие подруги или хотя бы приятельницы. К тому же девочки начинали обсуждать этот вопрос уже с четвёртого класса.

Обустроить комнату было очень весело. Девочки по двое подходили к экономке и сообщали, что будут работать в гостиной вместе. После этого экономка подбирала им комнату.

– Подумать только, у вас уже собственная гостиная! – восклицала она. – А ведь кажется, только вчера учились в первом классе и я ругала вас за то, что не пришли ко мне, когда у обеих заболело горло!

Конечно, Пат и Изабель О’Салливан были вместе. Мирабел и Глэдис – тоже. Энджела хотела взять в пару Элисон – обе любили красивые, нарядные вещи.

– Вы наверняка все стены зеркалами увешаете, – сказала им Бобби.

Все знали, что Элисон смотрится во все встречные зеркала, стёкла и любые отражающие поверхности, чтобы узнать, хорошо ли лежат волосы.

Бобби и Дженет, естественно, выбрали друг друга. Обе были озорные и подвижные, вечно затевали шалости, так что их комната обещала стать штаб-квартирой по созданию всевозможных розыгрышей.

Очень странную пару составили Пэм Бордмен – первая отличница класса – и Дорис Эдвард, одна из худших учениц.

Несмотря на свои блестящие актёрские данные, Дорис была не способна выполнить домашнее задание без ошибок. Она восхищалась умом Пэм, а та нередко помогала однокласснице, и постепенно у них сложились очень тёплые отношения. Вот почему Дорис предложила Пэм взять гостиную на двоих. После своей первой четверти в Сент-Клэре Пэм покинула школу, но девочка так скучала, что через какое-то время родители снова отдали её в то же учебное заведение.

Маленькая одинокая Пэм, у которой никогда не было близкой подруги, с радостью согласилась разделить гостиную с Дорис. Та вечно смешила её, поддразнивала и изображала, цепляя на нос очки с толстыми стёклами. Пэм очень нуждалась в такой подруге.

– Интересно, с кем будет Карлотта? – проговорила Пат. – Может, с Хилари? Они очень хорошо друг к другу относятся.

Но нет, Хилари как староста имела право на личную комнату, поэтому Карлотта не могла к ней присоединиться. Она выбрала Клодин!

Экономка даже не скрывала своих сомнений по этому поводу.

– Вы будете плохо влиять друг на друга, – заявила она. – Обе дерзкие, обеим плевать на всё на свете. Что с вами будет, если вы окажетесь в одной комнате, не представляю. Ну смотрите, сломаете хоть что-нибудь или начнёте буяннить – мигом отправитесь в общую гостиную четвёртого класса.

– Что вы, матрон, как вам могло такое в голову прийти?

Мы? Начнём буянить? – протянула Клодин, напуская на себя самый невинный вид. – Уж я такую красоту наведу! Ведь я за каникулы вышила две скатерти и три наволочки специально для нашей комнаты.

Энн-Мэри оказалась в паре с Фелисити. Вообще-то Фелисити ещё не пробыла две четверти в пятом классе, а Энн-Мэри была новенькой, но экономка не хотела, чтобы две девочки из класса остались без своей комнаты.

– Правильно, гении должны объединяться, – со смехом сказала Бобби. – Будут ночи напролёт сочинять стихи и музыку!

А вот с Полин никто не захотел разделить комнату, и она не знала, с кем хотела бы находиться в одной гостиной. Её недолюбливали, потому что она была завистливой и, кроме того, очень много врала и хвасталась, пока всё это вранье не раскрылось. После этого Полин замкнулась в себе, так что невозможно было понять, какая же она на самом деле.

– Придётся тебе делить комнату с Алмой Пудден, – сказала экономка, отмечая фамилии галочкой. – Остались только вы вдвоём.

У Полин вытянулось лицо. Ей не нравилась Алма. Она никому не нравилась, потому что была толстая, неповоротливая и злая. Но других вариантов, к сожалению, не осталось.

– Ну вот, всех разместила, – объявила экономка, захлопывая свой журнал. – Правила поведения в комнате всем известны? Можете пить у себя чай, если неохота идти в столо-

вую. Можете попросить любую ученицу первого или второго класса, чтобы она выполнила какое-либо ваше поручение у вас в комнате. Можете готовить там домашние задания и отправляться спать не по звонку, а когда захотите, но не позже десяти часов.

Все сразу почувствовали себя взрослыми и независимыми. Своя гостиная была укромным уголком, норкой, частью дома, которую можно обставить по своему вкусу, где можно уютно посидеть у горящего камина.

Конечно, Энджела превратила свою гостиную в миниатюрный дворец. Она выставила оттуда всю школьную мебель и попросила маму прислать вещи из её собственной комнаты. Затем Энджела вместе с Элисон отправились в город и чудесно провели время, выбирая шторы, коврики и наволочки для декоративных подушек. Всё это стоило страшно дорого. У Элисон таких денег сроду не водилось, но Энджеле во время каникул несколько раз перепали крупные суммы от богатых дядюшек и тётушек, и она всё сберегла специально для собственной гостиной. Теперь она сорила деньгами налево и направо и отказывалась пускать кого-либо в комнату до тех пор, пока её полностью не переделают.

Когда комната была наконец заново обставлена, девочки устроили по этому случаю небольшой праздник. Они заказали пирожные и сэндвичи в местной пекарне, купили имбирный лимонад. Стол ломился от всяких вкусных вещей, а в камине ярко пылал огонь, хотя день стоял жаркий.

В комнатку тут же набились сгорающие от любопытства одноклассницы. Они ахали, разглядывая мебель, прекрасные зеркала и картины, два кресла и очаровательные коврики. Они щупали шёлковые шторы и восхищались благоухающими хризантемами в вазах.

– Интересно, что скажет об этом экономка, – проговорила Бобби. – Смотри, Энджела, как бы она не сообщила мисс Теобальд, что у тебя слишком много денег на карманные расходы.

– Это не экономкино дело, – ошетибилась Энджела. – Мы с Элисон считаем, что в Сент-Клэре недостаточно красиво и комфортно. Мы, во всяком случае, привыкли к другой жизни у себя дома. Теперь, когда у нас есть собственная комната, почему мы не можем сделать её такой, как нам хочется? Разве тебе здесь не нравится, Бобби?

– На мой вкус, слишком нарядно, – ответила Бобби. – Вы же знаете, у меня вкусы простые. Но, не спорю, Энджела, ты постаралась на славу. А чай так просто роскошный!

Остальные девочки тоже успели навести уют в своих комнатах. Клодин постелила вышитые ею скатерти и надела наволочки на декоративные подушки. Карлотта разложила кое-какие вещи, привезённые из Испании, – особое настроение создавала тёмно-красная расшитая шаль из Севильи.

Все постарались, и только комната Полин и Алмы так и осталась безликой и неудобной. Ни та ни другая девочка не отличались тонким вкусом, да и лишних денег у обеих не

было. Поэтому Полин смогла добавить к казённой школьной обстановке лишь синюю вазу, а Алма принесла чехол на чайник, такой же бесформенный и пухлый, как она сама.

Алме Пудден ужасно не повезло с фамилией. Это не имело бы никакого значения, если бы она не напоминала всем своим видом пудинг на сале. Школьное платье сидело на ней как мешок, перехваченный посередине верёвкой. Маленькие глазки прятались в жирных складках круглого, бледного лица. Поэтому неудивительно, что пятиклассницы дали ей прозвище «Пудинг», которое она ненавидела всей душой. Если бы Алма хоть раз рассмеялась и сказала: «Ну да, я и правда слегка смахиваю на пудинг, но постараюсь похудеть», остальные наверняка отнеслись бы к ней с симпатией и называли бы Пудингом по-дружески, без злости. Но Алма, услышав прозвище, каждый раз впадала в бешенство.

Её бешенство отличалось от приступов ярости Карлотты или той же Дженет – обе девочки были вспыльчивыми, но быстро остывали. В холодном же бешенстве Алмы чувствовалась настоящая злость. И как пятиклассницы ни старались, они не видели в Алме ни одной положительной черты.

Бедной Полин было совсем невесело в одной комнате с ней. Алма ещё ни разу не сказала ничего умного или интересного. Она часами готовилась к урокам, но крайне редко получала хорошие оценки. Кроме того, она была жадной и думала только о себе. Алма всегда садилась на самый удобный стул и съедала за чаем больше пирожков или булочек,

чем Полин.

Фелисити и Энн-Мэри тоже уживались с трудом. По мнению Фелисити, на свете не было ничего лучше и важнее музыки, поэтому она постоянно пела или играла на скрипке, мешая Энн-Мэри готовить уроки и сочинять стихи.

– Фелисити! Сколько можно играть эту мрачную мелодию? – спрашивала Энн-Мэри. – Я пытаюсь исправить последнее четверостишие в поэме.

– В какой поэме? – спрашивала Фелисити. – В той, которую ты написала на прошлой неделе? Ну так она совершенно ужасная. Очень много слов, и никакого смысла. Плохой из тебя поэт, Энн-Мэри. Почему я должна бросать свою музыку ради того, чтобы ты кропала третьесортные стишки?

Фелисити вовсе не хотела обидеть или как-то задеть Энн-Мэри. Просто она была, как верно подметила Мирабел, немного того из-за музыки. Она готовилась к очень сложному музыкальному экзамену, который сдавали старшие ученицы. Мисс Теобальд была против, чтобы Фелисити сдавала этот экзамен. Директриса сказала родителям девочки, что та должна жить нормальной жизнью обычной школьницы и интересоваться тем же, чем интересуются её ровесницы.

– У неё одностороннее развитие, – объяснила мисс Теобальд родителям Фелисити, когда они приехали к ней побеседовать. – Иногда мне кажется, что она живёт в каком-то своём мире, а это вредно для юной девушки. Она слишком взрослая для четвёртого класса, но не может осилить про-

грамму пятого. И всё же я переведу Фелисити в класс к её ровесницам, – может, они растормошат её немного. Я бы очень хотела, чтобы вы убедили дочь отложить сдачу музыкального экзамена на год-другой. У неё ещё будет время на это.

Но родители Фелисити слишком гордились своей гениальной дочкой. Они заранее представляли, как она станет самой юной ученицей, сдавшей такой сложный экзамен.

– Можете перевести её в пятый класс, если считаете нужным, мисс Теобальд, – сказал отец Фелисити, – но не позволяйте ей ослаблять усилия в музыкальных занятиях. Нам сказали, что наша дочь – гений, а гения надо всячески поддерживать и поощрять на пути к успеху.

– Ну конечно, – ответила директриса, – только сначала желательно убедиться, что мы правильно поддерживаем и поощряем. Мне не нравится, что совсем юная девочка погружена в музыку до такой степени, что остальные необходимые ей виды деятельности от этого страдают.

Но говорить с родителями Фелисити было бесполезно. Они твердили одно: их дочь гениальна и должна такой остаться. В результате Фелисити перевели в пятый класс к ровесницам, и хотя она сильно отставала от остальных в учёбе, но продолжала напряжённо заниматься музыкой.

Фелисити не испытывала никаких чувств к Энн-Мэри – ни хороших, ни плохих. Соседка по комнате была реальностью, с которой приходилось мириться, но, пока Энн-Мэри не мешала заниматься музыкой, Фелисити её почти не заме-

чала.

А вот Энн-Мэри завидовала Фелисити с её гениальностью. Энн-Мэри не сомневалась в том, что она тоже гений. И её родные были в этом уверены. Дома стихи Энн-Мэри висели на стене в рамочках, родители читали их вслух гостям, которые были слишком хорошо воспитаны, чтобы честно высказать своё мнение. Уже подыскивалось издательство, которое опубликует стихи юного дарования.

Какая досада, что девочки в Сент-Клэре совершенно не хотели читать прелестные поэмы Энн-Мэри. Вот, например, одна поэма начиналась так:

В длинные дороги будущего
Вглядываются мои затуманенные слезами глаза...

Стихи Энн-Мэри произвели впечатление только на Энджелу и Элисон, но ни та ни другая не умели отличать хорошие стихи от плохих и не понимали, что бесконечные поэмы написаны тяжёлым языком, сложны и неискренни.

– Что это значит? – спросила Карлотта. – Я, наверное, очень глупая, потому что не понимаю ни единого слова. Почему твои глаза затуманены слезами, Энн-Мэри? Ты что, так сильно боишься своего будущего? Хотя, в общем, тебя можно понять, если ты собираешься зарабатывать себе на жизнь такими стихами. Немного тебе за них заплатят.

– Ерунда какая-то, – заметила Бобби. – Пиши то, что чув-

ствуешь, Энн-Мэри. Может, тогда у тебя что-то получится. А пока это всё одно притворство, ты просто пытаешься выглядеть старше, чем ты есть.

Энн-Мэри была ужасно разочарована и обижена, что её талант остался непонятым, хотя все дружно признавали гениальность Фелисити.

Но, в общем и целом, большинство девочек жили дружно: кто-то – повеселей, кто-то – поскучнее. Близняшки ссорились крайне редко. Их вкусы настолько совпадали, что находиться в одной комнате было для них сплошным удовольствием. Бобби и Дженет тоже было хорошо вместе, так же как и Мирабел с Глэдис.

Сначала им было непривычно и странно давать поручения первоклашкам. Но это оказалась совсем неплохая идея. Многие первоклашки были старостами или старшеклассницами в тех школах, из которых перешли в Сент-Клэр. Им было очень полезно снова стать самыми младшими и побегать немного, выполняя указания взрослых девочек. Близняшки хорошо помнили, как они сами бесились, когда только появились в Сент-Клэре.

– Мы думали, что разжечь камин у старших унижает наше достоинство, помнишь? – спросила Пат у Изабель, вороша угли в камине, который только-только разожгла одна из первоклассниц. – Это стало для нас хорошим уроком. Мы ведь приехали такие важные, так много о себе воображали. Но в Сент-Клэре с нас быстро сбили спесь.

– Заодно познакомимся с малышками, – добавила Изабель. – С ними интересно поболтать, когда они к нам забегают. Некоторые мне очень нравятся. Кое-кто будет отлично играть в спортивные игры – они такие ловкие.

– Вот только Энджела слишком часто их гоняет, – поморщившись, сказала Пат. – Они с Элисон дают девчонкам чересчур много заданий. Как только у них появилась капля власти, они тут же начали злоупотреблять ею.

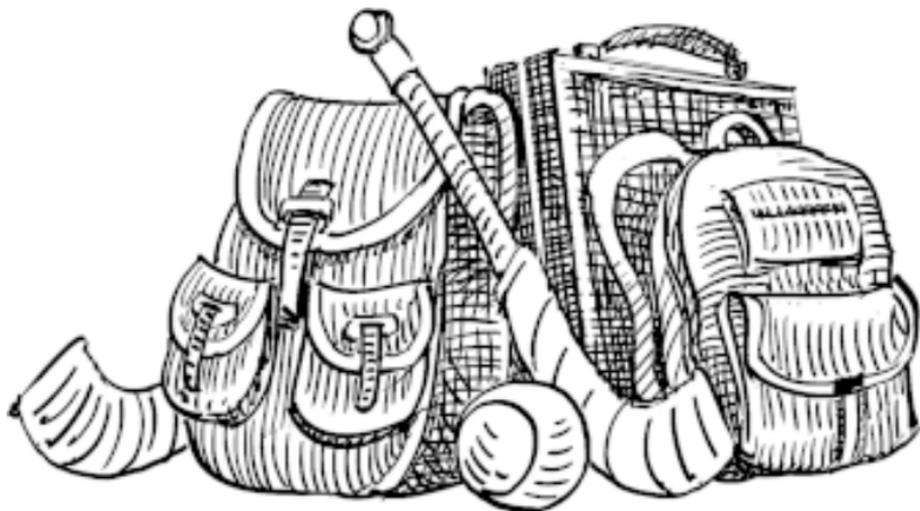
– Надо сказать Хилари, чтобы прочистила им мозги, – проговорила Изабель и зевнула. – Ой, уже без пяти десять! Надо скорее ложиться. А правда здорово ложиться когда захочется?

– Ну да, только не позже десяти, – строго произнесла Пат, подражая экономке. – Пошли скорее, а то и правда будет после десяти!

Глава 3

Новая учительница литературы

В этом году в младшие классы Сент-Клэра поступило много новеньких, и мисс Теобальд решила пригласить ещё одну учительницу, чтобы немного облегчить работу классным руководительницам. Так, в школе, к любопытству девочек, появилась мисс Уилкоккс. Она пришла на общий сбор на второй день четверти и стояла, окидывая всех вокруг мягким, ласковым взглядом.

– Её зовут мисс Уилкоккс, – шёпотом передавали друг другу ученицы. – Она ужасно умная. Будет преподавать англий-

скую литературу. И она пишет стихи! У неё вышла целая книжка со стихами!

Ученицы уважительно разглядывали учительницу. Им казалось, что надо быть необыкновенно умной, чтобы написать книгу. Мисс Уилкоккс, в свою очередь, мечтательно посматривала на девочек, но непонятно было, видит ли она их. О чём же она думала? Может, сочиняла новую книгу?

Девочек волновало её появление. Какой она будет? Строгой? Остроумной? Снисходительной? Скучной? Можно ли её разыграть?

– По-моему, она очень интересная, – сказала Элисон. – Нет, правда. Так и кажется, что она размышляет о тысяче прекрасных вещей.

– Скорее всего, она гадает про себя, что будет на обед, – заметила Бобби. – Мне кажется, все люди, которые мечтательно смотрят вдаль, размышляют именно об этом. У Энн-Мэри тоже бывает такой вид, и я точно знаю, что она в такие минуты думает, не забыла ли Фелисити захватить булочки к чаю или что-то в этом роде. А иногда вообще ни о чём не думает.

Энн-Мэри хотелось ответить что-нибудь хлёсткое, но в голову ничего не приходило. Что ж, она знала, что поэтов никто не понимает. Люди смеялись над ними, насмехались над их творчеством, и только потом, через много лет после смерти поэта, все начинали восхищаться им.

«Может быть, мисс Уилкоккс поймёт, что я – настоящий

поэт, – думала Энн-Мэри. – Как приятно знать, что у тебя есть сторонник! А вдруг мисс Уилкоккс прочитает мои стихи и придёт в восторг от них и объяснит другим, что к чему! Надо как следует стараться на её уроках, чтобы ей понравиться».

Уроки мисс Уилкоккс оказались очень интересными. Она рассказывала о пьесах и стихах, и девочкам разрешалось вести споры и обсуждения прямо на уроке, – конечно, если тема имела отношение к литературе.

Без сомнения, мисс Уилкоккс, как выразилась Бобби, «знала своё дело». Она была очень начитанна, имела прекрасную память и умела правильно выбирать произведения, чтобы заинтересовать девочек и заставить их думать.

Вид у мисс Уилкоккс был довольно странный. Она всегда ходила рассеянная, небрежно одетая, но при этом, как говорила Дженет, «разряженная, как ёлка»: длинный шарф, сверкающий пояс, яркий носовой платок. В чёрных волосах блестели золотые шпильки, платье со сложной драпировкой мело подолом пол, хотя учительнице совсем не шли платья со множеством складок.

Говорила мисс Уилкоккс всегда с придыханием, словно волнуясь, и это сильно мешало слушать, когда учительница читала стихи, поскольку даже самые обычные фразы она произносила глубоким, низким голосом, сопровождая чтение изящными, плавными жестами. Романтичная Элисон была в восторге. Она даже заучила некоторые движения, ко-

которые ей особенно понравились, а потом, рассказывая что-то Пат и Изабель, эффектно взмахнула рукой, как учительница, – и случайно ударила Бобби тыльной стороной ладони.

– Ого, – сразу сообразила та, – наша Пустая Голова раздражает мисс Уилкоккс! Элисон, ты же не вздумаешь обожать её, правда?

Элисон залилась румянцем. Она всегда легко краснела, и это её страшно раздражало.

– Я не понимаю, о чём ты, – ответила она. – Но я действительно восхищаюсь мисс Уилкоккс и её превосходным знанием английской литературы.

– Элисон! – простонала Бобби. – Только не говори, что преклоняешься перед ней! Неужели ты ещё не отучилась от этой дурацкой привычки? Тем более что ты вечно преклоняешься не перед тем, перед кем следует.

– А чем плоха мисс Уилкоккс? – Элисон пыталась держаться холодно и сдержанно, хотя разгорячилась не на шутку. – Она умная. Она написала книгу изумительных стихов. У неё чудесный глубокий голос и, по-моему, очень живописная внешность.

– То есть неаккуратная и небрежная, – брезгливо сказала Бобби. – Тоже мне живописная! Элисон, какая же ты дура! Ей надо одеться аккуратно и со вкусом. Золотые шпильки! Господи, меня чуть не стошнило, когда я их увидела!

Бобби тоже начала горячиться и говорить лишнее. Она была честная и прямолинейная, не любила неискренность и

театральные эффекты и при виде людей вроде мисс Уилкоккс могла наговорить такого, чего на самом деле не имела в виду.

– Да ладно тебе, Бобби, – быстро сказала Пат, заметив, что Элисон вот-вот расплчется. – Мисс Уилкоккс не такая уж плохая, как ты уверяешь, хотя и не такая расчудесная, как кажется Элисон. Поэтому, ради бога, Элисон, не вздумай её обожать! Ведь последние две четверти ты вела себя вполне разумно.

Элисон отвернулась.

– Вспомни мисс Квентин, – напомнила ей Бобби. – Не наступай на те же грабли!

Во втором классе Элисон преклонялась перед мисс Квентин, а та её очень сильно обидела. Оказалось, что учительница смеялась над девочкой за её спиной. Бедная Элисон сильно переживала из-за этого и с тех пор стала немного сдержаннее в своих симпатиях. Но кажется, с появлением мисс Уилкоккс всё началось по новой!

– Бессмысленно её убеждать, – сказала Пат после того, как двоюродная сестра вышла из комнаты с пылающими щеками и гордо вскинутой головой. – От этого только хуже. Она сразу отчаянно кидается на защиту того, кого обожает.

– Я своё мнение высказала, – ответила Бобби. – Всё это не имело бы никакого значения, если бы Элисон выбирала для обожания приличных людей. Но она почему-то всегда делает крайне неудачный выбор.

– Если бы мисс Уилкоккс хоть немного соображала, что к

чему, она бы запретила Элисон прыгать вокруг себя, – заметила Пат. – Мисс Корнуоллис мгновенно пресекает подобную ерунду, и остальные учителя тоже. А мисс Уилкоккс, боюсь, будет поощрять не только Элисон, но и эту ужасную Энн-Мэри.

– Ну и ладно, – махнула рукой Бобби. – Если ей нравится, чтобы разные дурочки смотрели ей в рот, так ей и надо. А мы давайте сходим и проверим, что там с кортом. Можно ли на нём в теннис играть?

По пути подруги повстречали Алму Пудден. Вид у той был настолько несчастный, что Пат стало её жалко.

– Пойдём с нами, поиграем вчетвером, – окликнула она Алму.

– Я не могу бегать, – как всегда, монотонно ответила та, – я слишком жирная.

– Вот и сбросишь немного жира, – вставила Изабель. – Пойдём.

Но нет. Алма отказывалась от физических упражнений так же упорно, как Клодин. Француженка увивала от всех спортивных игр и даже от уроков природоведения, если они проходили на свежем воздухе. Сначала она подстраивала всё так, чтобы экономка отдавала ей зашивать горы постельного белья вместо занятий. Но экономка быстро раскусила её хитрость, и Клодин внезапно обнаружила, что ей нечего зашивать и больше нет повода сидеть в помещении.

Но француженка не сдалась. Как только становилось яс-

но, что необходимо надеть спортивную форму и выйти на спортивное поле или корт, у неё тут же начинались спазмы, колики, тошнота, так что всё сразу отменялось. Просто удивительно, как Клодин всегда удавалось отвертеться от всех дел, которые ей не нравились. Они с Карлоттой были два сапога пара. Ту тоже невозможно было заставить делать то, что ей не хочется. Только Клодин любила решать свои проблемы по-тихому и потом с невинным видом тайно наслаждаться результатом, а Карлотта всегда действовала в открытую.

Обе не ладили с Мирабел, которую, как она и мечтала, сделали в этой четверти капитаном школьной спортивной команды. Глэдис стала помощницей капитана, и обе были счастливы. Глэдис была маленькая и худенькая, но очень ловкая и подвижная как на поле, так и на корте, отлично плавала. Кроме того, она умела очень хорошо разговаривать с младшими девочками, которые стеснялись и побаивались шумную, грубоватую Мирабел.

Мирабел была типичным капитаном – крепкая, громогласная, доброжелательная и не особенно чуткая. Она хотела, чтобы Элисон, Клодин, Энджела и Карлотта принимали больше участия в играх, а они упорно не желали этого. Мирабел ужасно раздражалась, если эти четверо не появлялись на тренировках, которые им были назначены, или скучали на спортивном поле, а то и начинали болтать посреди игры.

– Эта Мирабел меня замучила, – пожаловалась Клодин своей тётушке, мадемуазели. – Она всё время требует, что-

бы я шла на поле. Ей обязательно надо, чтобы я там взмокла, перепачкалась, чтобы у меня растрепались волосы. Ты не могла бы сказать ей, что у меня слабое сердце, *ma tante*?⁴

– Боже, Клодин?! У тебя слабое сердце?! Ты никогда не говорила мне об этом! – испуганно воскликнула мадемуазель. – У тебя что-то болит? Тебе надо сейчас же пойти к экономке.

Но это было последнее, чего хотелось бы Клодин. Экономка никогда не верила ни одному её слову.

– Нет, у меня ничего не болит, – скромно сказала девочка. – Просто вот здесь что-то трепыхается иногда, когда я бегаю или поднимаюсь по ступенькам.

Мадемуазель с сомнением уставилась на Клодин. Она души не чаяла в племяннице, но иногда у неё всё же возникало смутное подозрение, что та морочит ей голову. Клодин прижала руку к тому месту, где, как ей казалось, находится сердце, показывая, что трепыхается именно там. К сожалению, она ошиблась – сердце располагалось совсем в другой стороне.

– *Tiens!*⁵ – произнесла мадемуазель с тревогой, но слегка рассерженно. – Ты держишься за живот, а не за сердце. Может быть, следует дать тебе хорошее лекарство.

Клодин тут же слиняла: не хватало ещё, чтобы экономка напичкала её «хорошим лекарством». Но надо бы выяснить,

⁴ Тётя (*фр.*).

⁵ Так-так (*фр.*).

где же всё-таки находится сердце, чтобы в следующий раз не попасть впросак.

Через несколько дней жизнь пятого класса вошла в привычную колею. Они учились, ворчали и бурчали, смеялись и болтали, играли в спортивные игры и, набегавшись за день, мгновенно засыпали. Это была хорошая жизнь, интересная, полная новых впечатлений и дружбы. И становилось немного грустно при мысли, что ещё один класс – и Сент-Клэр навсегда останется в прошлом.

А в середине четверти их ожидал серьёзный экзамен – всех, даже Дорис, Алму и Фелисити, которые были твёрдо уверены, что они его не сдадут.

– В любом случае не помешает подготовиться к нему, – сухо сказала мисс Корнуоллис. – Если вам удастся его сдать – не важно, с какой отметкой, – я уже буду считать это достижением. После экзамена можно будет немного расслабиться, но до него вы должны работать с полной отдачей и стараться изо всех сил.

Все сидели в своих комнатах и работали. Карлотта стонала над математикой, а Клодин ломала голову над английской грамматикой. Фелисити прилежно читала произведения английской литературы и писала по ним сочинения, не бросая, как раньше, дело на полпути, потому что ей пришла в голову новая мелодия. Энн-Мэри, торопливо сделав уроки по всем предметам, часами сидела над литературой, надеясь получить одобрение мисс Уилкоккс.

Трудились даже лентяйки Дорис и Энджела. В школе было весело, но и работать приходилось очень-очень много.

Глава 4

Энджела теряет терпение

Первоклашки послушно выполняли все указания пятиклассниц. Они приносили, уносили, жарили тосты к чаю и были готовы рассказывать о своих делах всякому, кто станет их слушать.

Миранел была дружелюбнее всего с теми, кто хорошо показал себя в спортивных играх. Она советовала им чаще тренироваться в беге и захвате мяча в лакроссе, укомплектовывала школьные команды, а в своё свободное время занималась с младшими девочками, и они её за это обожали.

– Малышка Молли Уильямс такая молодец, – сказала как-то Мирабел, составляя очередной список. – Знаешь, Глэдис, я хочу включить её в третью команду. И Джейн Тил тоже хорошо работает, ей только надо бегать побольше.

– Зато Антуанетта такая же, как Клодин, – заметила Глэдис. – Я вообще не могу заставить её заниматься, ей это неинтересно. И Клодин не хочет мне помочь, наоборот, подсказывает сестре, под каким предлогом выкрутиться.

– Надоела мне эта Клодин с её враньём, – раздражённо проговорила Мирабел. – Дождётся она когда-нибудь, что её выгонят из школы за все эти хитрости.

– Ну что ты, – расстроилась Глэдис, – не такая уж она плохая. Клодин просто другая, и к тому же она стала вести себя гораздо лучше в последнее время.

– Да уж должна бы. Она всё-таки давно живёт в Сент-Клэре, – буркнула Мирабел, добавляя в список ещё одно имя. – Вот, вставляю Молли Уильямс. Она будет счастлива.

– Плохо, что Элисон и Энджела слишком часто гоняют младших по своим делам, – сказала Глэдис. – У них в комнате постоянно вертится какая-нибудь первоклашка, которая делает за них работу. Энджела даже заставила Джейн Тил зашивать что-то из своих вещей, хотя это запрещено.

– Я поговорю с Джейн, – решительно произнесла Мирабел. – Объясню, что она не должна ничего зашивать за Энджелу. Пусть лучше тратит это время на тренировки.

– Может быть, лучше поговорить с Энджелой, а не

с Джейн? – спросила Глэдис. – Мне кажется, она сама должна сообщить Джейн, что та не обязана шить за неё.

– Я разберусь с Джейн, – повторила Мирабел твёрдо и резко, как настоящий капитан школьной команды. В то утро она была настроена более решительно, чем обычно.

– Джейн нравится Энджела, – сказала Глэдис.

Мирабел, уже в дверях, недовольно фыркнула.

– Я ей тоже нравлюсь до ужаса, – ответила она. – Уверена, она сделает всё так, как скажу я, а не Энджела. Можешь не беспокоиться об этом, Глэдис.

Разыскав Джейн Тил, Мирабел окликнула её:

– Привет, Джейн! Подойдёшь на минутку?

Четырнадцатилетняя Джейн была маленькой, худенькой и подвижной. Она тут же подбежала, вся розовая от волнения. Неужели Мирабел включила её в третью команду вместе с Молли? Вот здорово!

– Джейн, я хочу, чтобы в следующие две недели ты активнее тренировалась на поле, – как всегда, прямо и по делу, сказала Мирабел. – Ты станешь отличным игроком, если будешь чаще тренироваться. Тебе уже на этой неделе следовало больше работать, вместо того чтобы зашивать какие-то вещи для Энджелы, тем более что ты не должна это делать.

– Но мне нравится, – порозовев ещё сильнее, проговорила Джейн. – Я хорошо шью, а Энджела – плохо. Я с удовольствием ей помогаю.

– Заканчивай с шитьём, лучше тренируйся как следует, –

велела Мирабел. – Я отвечаю за спортивные игры и хочу, чтобы все мои игроки выкладывались по полной.

– Я буду выкладываться, – пообещала Джейн, гордая тем, что Мирабел назвала её отличным игроком. – Но я уже пообещала Энджеле, что буду всю четверть зашивать её порванные вещи. Я сама предложила ей, Мирабел.

– Значит, скажи ей, что не сможешь это делать, – сказала Мирабел, которая не понимала, что бывает что-то важнее собственных интересов.

– Но Энджела обидится и расстроится. И потом, мне нравится делать ей приятное, – растерянно, но упрямо ответила Джейн. – Она... Она такая красивая, ведь правда, Мирабел?

– Не понимаю, при чём здесь ты, – раздражённо произнесла Мирабел. – И вообще, я – твой капитан, и ты должна меня слушаться. А если не будешь, я не включу тебя даже в четвёртую команду, не то что в третью.

Она резко повернулась и ушла. Джейн смотрела ей вслед, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. Она всегда восхищалась Мирабел, но и Энджелой она тоже восхищалась! У Энджелы была такая чудесная улыбка, она всегда так мило разговаривала. И вторая девочка из её комнаты – Элисон – тоже была очень симпатичная.

Подумав, Джейн рассказала всё своей подруге Салли.

– Если хочешь, чтобы тебя зачислили в третью команду и включали в интересные игры, надо слушаться капитана, – сказала та. – Объясни Энджеле, что тебе так сказала Мира-

бел. Если Энджела такая хорошая и добрая, как тебе кажется, то, конечно, она не станет требовать, чтобы ты зашивала её вещи.

– Точно! – обрадовалась Джейн. – Знаешь, Салли, мне ужасно не хочется расстраивать Энджелу. Она правда очень хорошая. Если она на меня рассердится, мне будет тяжело.

– Расскажи Энджеле об этом, когда пойдёшь готовить ей тосты к чаю, – посоветовала Салли.

Джейн последовала совету подруги. Перед чаем она, нервничая и переживая, подошла к Энджеле.

– Энджела... – робко начала девочка, накалывая ломтик хлеба на длинную вилку. – Энджела, я принесла твои вещи, которые надо было зашить. Я всё сделала, даже заштопала ту дорожку на чулке сзади.

– Спасибо, Джейн, – произнесла старшая девочка, одарив младшую лучезарной улыбкой, от которой таяло сердце.

– Но, к сожалению, я не смогу и дальше их зашивать, – продолжила Джейн.

– Это ещё почему? – вздёрнула брови Энджела. – Ты же обещала. Терпеть не могу людей, которые не выполняют свои обещания.

– Понимаешь, мы поговорили с Мирабел, – пробормотала Джейн. – Она сказала... сказала...

– Я догадываюсь, что она сказала, – презрительно бросила Энджела. – Что ты – замечательный игрок и должна больше тренироваться, поэтому тебе не следует выполнять мои про-

тивные поручения. А ты сразу согласилась. Предательница.

– Не говори так, Энджела, пожалуйста, – взмолилась бедная Джейн. – Всё совсем не так. Мирабел не сказала о тебе ничего плохого. Но я должна слушаться её, поскольку она мой капитан.

– Не понимаю, почему кто-то вообще должен слушаться дорогую Мирабел, такую добродушную и громогласную, – фыркнула Энджела. – Почему, если она сходит с ума по спортивным играм, все остальные тоже должны сходить по ним с ума? Игры, игры, игры! Клодин совершенно права – это же глупость какая-то.

– Но, Энджела, – растерялась Джейн, – игры – это ведь так здорово! В команде все такие дружные и борются не за себя, а за всех вместе, и...

– Вот только не надо меня учить, – разозлилась Энджела. – Первоклашка недоделанная. Да мне плевать, чем ты занимаешься! Иди и бегай высунув язык с утра до ночи, если тебе так нравится. Я тебя больше ни о чём не попрошу. Мне предатели не нужны. Сейчас же положи мой тост. Иди и передай Вайолет Хилл, что я её жду. Она будет выполнять мои поручения вместо тебя.

Джейн перепугалась. Она преклонялась перед прекрасной, сияющей, как солнышко, Энджелой, а та вышвырнула её, точно мусор, и тут же заменила этой дурочкой Вайолет Хилл. Вайолет давно обожала Энджелу издали и была готова на всё ради её улыбки.

Джейн всхлипнула и выбежала из комнаты, а через несколько минут на её месте появилась обмирающая от счастья Вайолет Хилл. Энджела принялась лениво командовать. Её забавляло то, что первоклассница убирается в комнате, дрожа от восторга, и готова выполнить любое её указание.

Потом появилась Элисон. Увидев Вайолет, она очень удивилась:

– А где же наша верная Джейн?

Энджела в двух словах сообщила о том, что произошло. Вайолет Хилл слушала её с жадным интересом, очень довольная тем, что Джейн впала в немилость. Уж теперь Вайолет покажет, насколько она лучше, чем Джейн!

– Ты не должна была говорить всё это при Вайолет, – сказала Элисон Энджеле, когда первоклассница вышла из комнаты. – Ты же знаешь, как нравишься Джейн. С ней удар случится, если Вайолет разболтает всему первому классу о вашей ссоре.

– Так ей и надо, – безжалостно ответила Энджела.

– Энджела, – после минутного молчания снова заговорила Элисон, – ты делаешь из этих девчонок каких-то дуручек. Мне кажется, ты неправильно себя с ними ведёшь. Прикидываешься такой необыкновенной, а они и верят. Бедная Джейн, наверное, сейчас рыдает в три ручья. Ты же знаешь, мисс Теобальд очень этого не любит.

Энджела побледнела от злости и яростно уставилась на Элисон. Она не привыкла, чтобы её отчитывали, и ей сразу захотелось сказать подруге что-нибудь обидное.

– Кто бы говорил, – протянула она своим самым ехидным тоном. – Ты сама-то ничуть не лучше этих девчонок. Обожаешь свою любимую мисс Уилкоккс и даже пытаешься говорить таким же низким голосом, как она. Просто смешно на тебя смотреть!

Элисон очень обиделась. Она совершенно не выносила, когда критиковали людей, которые ей нравились.

– Мисс Уилкоккс очень искренняя, – ответила она с достоинством, – этим она мне и нравится. Тебе безразлична английская литература да и вообще всё, кроме тебя самой, Энджела, поэтому тебе не понять моей симпатии к такому интересному человеку, как мисс Уилкоккс.

– Бред, – грубо ответила Энджела.

В тот вечер они больше не сказали друг другу ни слова. Энджела молча бесилась, а Элисон старательно и любовно писала длинное сочинение, которое, как ей казалось, должно было понравиться мисс Уилкоккс. Невесёлый получился вечер.

После этого Энджела затаила на Мирабел зло. Она не осмелилась высказать напрямую всё, что думала о случае с Джейн, потому что боялась получить решительный отпор. Став капитаном школьной спортивной команды, Мирабел впервые почувствовала вкус власти и теперь вела себя ещё более резко и прямолинейно, чем раньше. Она никогда не отличалась чуткостью, и Энджела давно уже потеряла надежду больно уколоть одноклассницу. Ей оставалось только бросать на Мирабел презрительные взгляды и говорить гадости за её спиной. Но всему классу было хорошо известно, что Энджела всегда бросает презрительные взгляды и говорит гадости, когда злится, поэтому никто не обращал на это внимания, в первую очередь сама Мирабел.

С Элисон Энджела помирилась: не сказать, что ей очень этого хотелось, но надо же было с кем-то поделиться всем, что накипело. Кроме того, Элисон искренне восхищалась внешностью и нарядами Энджелы, а это всегда приятно. В свою очередь, Элисон прекрасно изучила недостатки подружки. Она больше не преклонялась перед ней и не соглашалась с каждым её словом, но по-прежнему была в восторге от сияющих золотом волос и ярко-синих глаз Энджелы. Элисон была тоже не против помириться, поскольку ей хотелось всё время говорить о мисс Уилкокс – какая она удивительная, и какие прекрасные стихи она пишет, и как изумительно читает их в классе своим низким грудным голосом.

Так что в благодарность за восхищение Энджелы была вынуждена слушать болтовню Элисон. Девочки помирились, но новая ссора могла вспыхнуть в любой момент.

Глава 5

Делу – время, потехе – час

Пятиклассницы трудились вовсю. Как выразилась Пат, мисс Корнуоллис не давала им спины разогнуть, постоянно загружая всё новыми заданиями. Мисс Уилкоккс тоже много задавала. Директриса мисс Теобальд провела в классе пару уроков, и, хотя домашнее задание оставила небольшое, девочки выполняли его особенно старательно.

Когда ещё и мадемуазель назадавала кучу всего, пятиклассницы подняли стон.

– Решить примеры по математике, нарисовать карту по географии, выучить стихи на французском, написать сочи-

нение по литературе для мисс Уилкоккс... Да у нас у всех будет нервный срыв! – пыхтела Бобби.

Не возмущалась только Пэм Бордман. У неё была феноменальная память: стоило ей один раз взглянуть на страницу – и она тут же всё запоминала. Дорис завидовала ей в этом отчаянно.

– Я совсем не запоминаю домашку, – со вздохом призналась она. – Всё, что утром выучу, к вечеру уже забываю.

– Но ты ведь хочешь стать актрисой, а им приходится учить огромные роли, – заметила Пэм.

– Как это ни смешно, но когда я кого-то изображаю и одновременно проговариваю текст вслух, то запоминаю его очень легко и уже не забываю, – сказала Дорис. – А вот когда сижу над учебником и зубрю, ничего не получается.

– Попробуй слова из учебника тоже повторять вслух, как будто произносишь роль, – предложила Пэм, и в её серьёзном взгляде вспыхнула смешинка. – Держи. Это французское стихотворение о такой распрекрасной природе, как говорит наша Мамзель. Произноси вслух, изображай коровок и овечек, попрыгай немного, как милые резвые ягнятки. А когда доберёшься до уток, походи вперевалку. И сразу всё запомнишь.

И Дорис с жаром принялась учить французское стихотворение о природе. При виде её Пат и Изабель, которые забежали за какой-то книгой, чуть не упали от хохота. Дорис громко произносила слова, сопровождая их самыми разно-

образными движениями. Она то скакала, как ягнята, то жевала, как коровы, то ходила вперевалку, как утки. Это было восхитительно. Подруги визжали от смеха: Дорис превратила нудную и тяжеловесную поэму в комические куплеты.

– Ну что, запомнила? – поинтересовалась Пэм, когда она без сил рухнула на стул.

Дорис почесала нос.

– Сейчас проверю, – сказала она. – Начинается так...

Но, пока Дорис не встала и не начала изображать всё по новой, она не смогла вспомнить ни слова. Стало ясно, что текст всплывает у неё в уме только одновременно с игрой.

– Но ты всё же запомнила стихи, – обрадовалась Пэм. – И ты их не забудешь. Мамзель будет очень довольна своей *chère*⁶ Дорис.

Но, увы, на следующий день Дорис не удалось произвести хорошего впечатления на мадемуазель. Упражнение, которое надо было выполнить письменно, пестрело ошибками, и француженка сурово перечеркнула его синим карандашом. Учительница не жалела карандаша, когда злилась, и тетради по французскому языку представляли собой жуткое зрелище.

– А, Дорис... – начала мадемуазель во время обсуждения домашнего задания. – Ах ты... Я держалась рукой за твой пульс...

– Держала руку на пульсе, – ухмыльнувшись, подсказала

⁶ Дорогая (фр.).

Бобби.

Мадемуазель стрельнула в неё сердитым взглядом, но продолжила:

– Я держалась рукой за твой пульс все эти годы, но ты до сих пор не знаешь, что во французском языке стол – женского рода, а не мужского. Тебя нужно отправить обратно в детский сад! Ты так и не научилась произносить французское «р», единственная из всего класса. Такая большая и такая глупая.

– Да, мадемуазель, – покорно пробормотала Дорис.

Обычно покорность успокаивала учительницу, но на этот раз она разозлилась ещё сильнее:

– Ты что, издеваешься надо мной?! Смеёшься мне на лицо и глазами не моргаешь?! – гаркнула француженка, сама совершенно позабыв английские выражения.

Ученицы захихикали.

– Вы хотели сказать «смеёшься мне в лицо и глазом не моргнёшь»? – снова не выдержала Бобби.

– Не смей меня учить, Бобби, – вспыхнула мадемуазель. – Вечно ты перебиваешь. Дорис, встань.

Дорис встала. Губы у неё подрагивали – она заранее представляла, как изобразит эту сцену перед девчонками. Хохоту будет!

– Твоя письменная работа ужасна. Послушаем теперь устную часть, – угрожающе проговорила мадемуазель. – Ты выучила стихотворение? Ну ладно, тогда рассказывай. Начи-

най.

Дорис поняла, что не может произнести ни одного слова. Глядя прямо перед собой, она лихорадочно пыталась вспомнить хоть что-нибудь. Там было что-то про животных... но слова-то какие?..

– Она выучила стихотворение, мадемуазель, – взволнованно пискнула Пэм. – Я сама слышала вчера вечером, как она рассказывала его, не заглядывая в книгу.

– Значит, сейчас мы тоже послушаем, – ответила мадемуазель. – Начинай, Дорис.

Пэм, которая сидела позади Дорис, прошептала первую строчку. Дорис повторила и вдруг поняла, что расскажет стихотворение, только если будет всё изображать. Но не может же она разыгрывать театр перед учителем! Мадемуазель, которая очень любит французскую поэзию, опять решит, что над ней издеваются.

– Ну, Дорис, я жду, – нетерпеливо произнесла мадемуазель. – Так ты можешь рассказать стихотворение или нет?

– Могу, – с отчаянием ответила Дорис, – но только если я его разыграю.

– Так разыгрывай, – бросила фразу женка, закипая. – Но имей в виду, *ma chère* Дорис, если ты обманываешь, я пожалуюсь мисс Теобальд. Разыгрывай что хочешь, только произнеси всё стихотворение без ошибок!

И Дорис принялась разыгрывать французскую поэму в своей обычной преувеличенной, насмешливой манере – рас-

качиваясь, бляя, переваливаясь с ноги на ногу и подпрыгивая. Двигаясь, она рассказала всё стихотворение без единой ошибки. Всё-таки необычно у неё была устроена голова.

Её одноклассницы давились от смеха, хотя каждую минуту помнили о присутствии учительницы и опасались, что она вконец разозлится.

Ситуацию спасла Клодин. Она хлопала в ладоши от восторга и, откинув голову, звонко, заразительно хохотала. Девочка просто хваталась за бока от смеха.

– Ой, *ma tante, ma tante!* – воскликнула Клодин, когда Дорис наконец умолкла. – Какая умница, какое чудо эта Дорис! Так здорово прочитала и не сделала ни одной ошибки. Я теперь никогда не забуду это стихотворение!

Мадемуазель вздёрнула очки повыше, а затем выражение на её лице вдруг изменилось, и она сама расхохоталась на весь класс. Ученицы облегчённо выдохнули. Мамзель поняла юмор, значит, всё в порядке.

Француженка сняла очки и отёрла слёзы.

– Очень, очень здорово, Дорис, – сказала она. – Конечно, это стихотворение надо читать совсем по-другому, но у тебя получилось очень смешно, и поэтому я прощаю тебе безобразную письменную работу. Ты честно выучила поэму наизусть и уморительно прочитала её. Правда, Клодин?

Клодин с готовностью согласилась.

– Может быть, нам всем рассказать стихотворение так же, как Дорис? – предложила она, и её глаза заблестели.

Но на такие крайности мадемуазель была не готова.

– *Ah, non*⁷, – сказала она. – Только у Дорис есть актёрский дар. Когда одна девочка вот так рассказывает стихотворение, мне смешно, но четырнадцать – это слишком. Так! Взгляните на часы. Мы пол-урока потратили на эту остроумную плохую ученицу Дорис. Откройте учебники, пожалуйста.

Так Дорис поняла, что способна запомнить что угодно, если будет учить вслух и с разными смешными жестами. Но, к сожалению, очень часто она не могла повторить то, что выучила, если стояла неподвижно, а далеко не всем учителям нравился этот забавный способ учить уроки. Например, мисс

⁷ О нет (*фр.*).

Уилкоккс назвала чтение Дорис дуракавалянием самого дурного тона.

На уроках мисс Корнуоллис или мисс Теобальд подобное представление тоже было немыслимо, хотя одноклассницы часто просили Дорис рассказать новые правила по математике, сопровождая их приличными, а то и неприличными жёстами.

– Не хочу вылететь из школы только ради того, чтобы вас повеселить, – сказала как-то Дорис в ответ на очередные просьбы. – Наоборот, буду стараться изо всех сил с помощью Пэм, хотя мне никогда не стать отличницей или даже хорошисткой.

– Зато ты всегда сможешь развеселить людей, – сказала Изабель. – Я бы тоже хотела так уметь, но у меня не получается.

– А я бы хотела писать книги или прекрасные картины, – вставила Элисон.

– И я тоже, – согласилась Энн-Мэри. – Мне это гораздо больше нравится. Оставить потомкам на память о себе что-то, созданное тобой, – вот что действительно ценно.

– Фанатки Дейрдре, – насмешливо бросила Карлотта.

Дело в том, что Элисон как-то узнала, что имя мисс Уилкоккс начинается на букву «д», и спросила её, что это за имя.

– Дейрдре, – ответила мисс Уилкоккс.

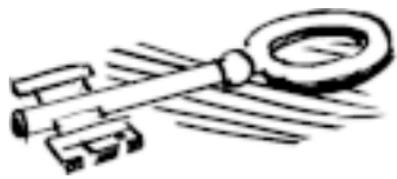
Элисон сразу решила, что это восхитительное имя, такое романтическое и живописное, в самый раз для милочки мисс

Уилкоккс. Дейрдре Уилкоккс — чудесное имя для поэтессы. Она сообщила имя Энджеле, а та разболтала всему классу. А поскольку Элисон и Энн-Мэри постоянно крутились около учительницы, их теперь дразнили фанатками Дейрдре, что обеих очень раздражало. Элисон ругала себя за то, что поделилась секретом с Энджелой, — было бы гораздо лучше, если бы имя мисс Уилкоккс осталось известно ей одной.

Фанатки постоянно боролись между собой за внимание учительницы. Элисон завидовала Энн-Мэри, поскольку та писала стихи и мисс Уилкоккс их читала. Энн-Мэри завидовала Элисон, потому что считала, что учительница любит соперницу больше. И это действительно было так: напор Энн-Мэри мог утомить кого угодно.

— Обе вы дурочки, — заявила Бобби, которая терпеть не могла, как она выражалась, «соплей». — Вы что, не понимаете, что человек, поощряющий парочку ненормальных вроде вас, не стоит внимания?

Но подобные замечания только усиливали преданность Элисон и Энн-Мэри. Обе были страшно возмущены словами Бобби и даже немного сблизились на этой почве. Весь класс искренне забавлялся, глядя на них, и всю первую половину четверти они постоянно становились поводом для смеха.

Глава 6

Энджела и младшие девочки

К радости Мирабел, первоклашка Джейн Тил стала гораздо чаще появляться на поле для лакросса и тренироваться.

– Вот видишь, – торжествуя сказала она Глэдис, – видишь? Я всего разок откровенно поговорила с Джейн Тил, и ей это помогло. Очень скоро я сделаю из неё отличного игрока.

Джейн делала всё, как ей велела Мирабел, но вид у неё при этом всё время был очень несчастный.

– По-моему, Джейн не в восторге от происходящего, – сказала Глэдис подруге. – И не сказать, чтобы она особенно

выкладывалась на тренировках. Спорим, Энджела потрепала Джейн нервы, когда та сказала, что больше не будет защищать её вещи.

– Ничего страшного, – отмахнулась Мирабел. – Даже очень хорошо, если из неё выбьют эту ерунду. Терпеть не могу дурочек, которые преклоняются перед кем-нибудь.

– А ты не забыла, сколько таких дурочек преклоняется перед тобой? – поинтересовалась Глэдис. – И тебе это нравится, между прочим.

– Это совсем другое, – вскинулась Мирабел. – Я им нравлюсь как капитан спортивной команды. Я заставляю их трудиться и не позволяю делать глупости. Я первая их отчитаю, если они вздумают преклоняться передо мной.

– И всё равно вид у малышки Джейн очень несчастный, – сказала Глэдис. – Не смотри на меня так, Мирабел. Я вообще-то твой помощник и имею право высказывать своё мнение.

Мирабел удивлённо уставилась на подружку, которую часто обзывали мышкой – такая она была тихая и молчаливая. Мирабел очень любила Глэдис – собственно говоря, это была единственная девочка в школе, к которой она была по-настоящему привязана. Но, несмотря на это, Мирабел не собиралась выслушивать от неё замечания. Какой смысл быть капитаном, если не можешь самостоятельно принимать решения и придерживаться их? Мирабел получила совсем небольшую власть, но и та ударила ей в голову.

– Ты можешь говорить что угодно, – сухо проговорила Мирабел, – но это не значит, что я последую твоим советам, Глэдис, уж извини. То есть я тебя, конечно, выслушаю, но принимать решение буду сама.

Глэдис ничего не ответила. Она уже поняла, что в этой четверти дружить с Мирабел очень непросто. Глэдис жале- ла, что не может быть бесстрашной, как Карлотта, прямоли- нейной, как Бобби, спокойной и уверенной в себе, как Хи- лари. Эти девочки всегда умели правильно поставить себя с окружающими, а Глэдис вечно боялась кого-нибудь обидеть или рассердить.

Желая наказать бедную Джейн, Энджела была очень дру- желюбна с Вайолет Хилл. Она подарила первоклашке свои лучшие заколки для волос и книгу. Вайолет была на седьмом небе от счастья.

– Смотрите, – сказала она, показывая подарки Джейн и Салли. – Энджела – прелесть! И такая щедрая! Она просто чудо. Ты сделала большую глупость, Джейн, когда поссори- лась с ней. Я считаю, что Энджела стоит трёх таких, как Ми- рабел.

Джейн чуть ли не со слезами смотрела на заколки и книгу. Ей Энджела никогда ничего не дарила. Хотела бы она разо- чароваться в Энджеле, да ничего не получалось. Каждый раз при виде златовласки с тонким личиком и сияющими сини- ми глазами она заново восхищалась её красотой и очарова- нием.

Салли стало жалко Джейн.

– Не расстраивайся, – сказала она. – Энджела не стоит того, чтобы из-за неё огорчаться. Я уверена, что она так носится с Вайолет только затем, чтобы ты ревновала. По-моему, она ведёт себя ужасно.

Но Джейн не хотела слушать, как ругают Энджелу, хотя та сильно её обидела. Зато Вайолет почувствовала себя задетой.

– Как же, станет Энджела дарить мне подарки из-за Джейн! – возмутилась она. – Просто у меня получилось очень аккуратно зашить её синий свитер. Я провозилась с ним несколько часов.

– Значит, ты теперь зашиваешь её вещи? – ревниво спросила Джейн.

– Конечно, – ответила Вайолет. – Мне-то всё равно, что говорит Мирабел. Если я хочу помогать Энджеле, я буду ей помогать.

При первой же встрече Вайолет доложила Энджеле, что Джейн сильно переживает, и старшая девочка довольно усмехнулась. Она могла быть очень злой, если что-то шло не так, как ей хотелось. Зато Энджела была необыкновенно мила с Вайолет и второй первоклашкой, которая её заменяла, если та не могла прийти. Обе первоклассницы считали, что Энджела – самая замечательная девочка в школе.

Младшей сестре Клодин – Антуанетте – тоже иногда приходилось выполнять поручения пяти- и шестиклассниц. Но

она не любила Энджелу и всегда старалась найти предлог, чтобы не ходить к ней, даже если звали срочно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.